

Й.С. Милл, Е.Л. Йуманс

**Новейшее образование, его
истинные цели и требования**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3

Й.С. Милл

Новейшее образование, его истинные цели и требования / Й.С. Милл, Е.Л. Йуманс – М.: Книга по Требованию, 2021. – 526 с.

ISBN 978-5-518-08600-5

ISBN 978-5-518-08600-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе М. А. Антоновича.	Стр. 1
---------------------------------------	--------

СБОРНИКЪ ЮМАНСА.

Предисловіе англійскаго изданія	I
Профессоръ Тиндаль—О важности изученія Физики	1
Д-ръ Даувини—О важности изученія Химіи какъ средства воспитанія.	29
Профессоръ Генери—О воспитательномъ значеніи Ботаники	61
Профессоръ Гексли—О методѣ изученія Зоологіи	89
Д-ръ Джемсъ Пиджеть—О важности изученія Физиологіи	115
Д-ръ Уэввиль—О вліяніи историческаго развитія науки на умственное воспитаніе	151
Профессоръ Фарадей—Замѣчанія о воспитаніи сужденія.	177
Д-ръ Годгсонъ—О важности изученія Экономической Науки.	215
Гербертъ Спенсеръ—О политическомъ воспитаніи	255
Профессоръ Массонъ—О воспитаніи въ коллегіяхъ и о самовоспитаніи	269
Д-ръ Юмансъ — Замѣчанія о научномъ изученіи человѣческой природы.	299—336

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Серъ Джонъ Гершилль—Объ университетскихъ замѣткахъ.	339
Д-ръ Джоржъ Пиджеть—Объ общемъ вліяніи научнаго образованія	343
Гербертъ Спенсеръ—О порядкѣ открытія въ прогрессѣ знанія	353
Д-ръ Дривпяръ—Недостатки клерикальнаго воспитанія	355
Д-ръ Сеганъ—Физиологическое основаніе первоначальнаго воспитанія.	360
Д-ръ Вайльвудъ—О новѣйшемъ обученіи въ коллегіяхъ.	365
Профессоръ Де-Морганъ—О полнотѣ умственнаго развитія	370
Профессоръ Форвесь—О воспитательной пользѣ музеевъ	376

	Стр.
<u>Принцъ Альбертъ—О правахъ науки въ воспитаніи</u>	<u>377</u>
<u>Д-ръ Гилль—О культурѣ высшихъ чувствъ</u>	<u>379</u>
<u>Профессоръ Гольдвинъ Смитъ — Классическое и новѣйшее образо-</u> <u>ваніе</u>	<u>384</u>
<u>Профессоръ Агланъ—Указанія о первоначальномъ преподаваніи Фи-</u> <u>зіологіи.</u>	<u>385</u>
<u>Лордъ Маклей—Изученіе классическихъ языковъ</u>	<u>387</u>

*Извлеченіе изъ показаній, данныхъ передъ англійскою Коммиссіей
Публичныхъ Школъ.*

<u>Показаніе профессора Вильяма В. Карпентера.</u>	<u>388</u>
<u>Показаніе сэра Чарльза Дэйлля.</u>	<u>397</u>
<u>Показаніе д-ра М. Фарадея</u>	<u>401</u>
<u>Показаніе профессора Ричарда Овена</u>	<u>405</u>
<u>Показаніе д-ра Джозефа Гукера</u>	<u>411—415</u>

МИЛЛЬ.

<u>Речь объ Университетскомъ воспитаніи</u>	<u>1—71</u>
---	-------------

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книга есть Сборникъ, состоящій изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей и даже отрывковъ, принадлежащихъ разнымъ авторамъ, трактующихъ о разныхъ частныхъ предметахъ и съ различныхъ точекъ зрѣнія. Но несмотря на это, настоящій Сборникъ представляетъ собою связанное и стройное цѣлое, потому что всѣ статьи и отрывки его проникнуты однимъ духомъ и имѣютъ одну общую цѣль. Во всѣхъ ихъ разбирается вопросъ первой важности, вопросъ о томъ, какимъ образомъ изъ человѣка въ томъ грубомъ и неотесанномъ видѣ, въ какомъ онъ выходитъ изъ мастерской природы, сдѣлать настоящаго человѣка, очищеннаго и отполированнаго всеми средствами и орудіями, добытыми предшествующей цивилизаціей,—вопросъ о воспитаніи и главнымъ образомъ объ относительномъ значеніи классическаго и реальнаго воспитанія,—вопросъ, дебатировавшійся нѣкогда и въ нашей покойной публицистической прессѣ и брошенный, какъ это часто случается, нерѣшоннымъ и неконченнымъ въ рѣку забвенія. Такимъ образомъ мы можемъ утѣшить себя тѣмъ, что даже въ Англіи этотъ вопросъ еще не рѣшенъ и оказывается надобность издавать матеріалы для его рѣшенія, какія представляетъ напр. настоящій Сборникъ, хотя конечно это утѣшеніе очень плохое.

Въ Англіи, какъ извѣстно, преобладаетъ, даже можно сказать

исключительно господствуетъ классическое воспитаніе на ряду съ математическимъ. Это преобладаніе есть сохранившійся остатокъ допотопной старины, историческій анахронизмъ, какихъ много представляетъ современная Англія.—Въ среднія вѣка въ Англіи, какъ и во всей Европѣ, классическая древность служила единственнымъ источникомъ знанія, образованія и практической опытности; все жившее тогда умственною жизнью питалось исключительно древней греко-латинской философіей, наукой, литературой и поэзіей. Латинскій языкъ былъ универсальнымъ языкомъ науки, церкви, юриспруденціи, дипломатии, вообще всего образованнаго міра; поэтому для человѣка, предназначавшаго себя для какой бы то ни было изъ высшихъ сферъ общественной дѣятельности и вообще желавшаго усвоить современное образованіе, изученіе латинскаго языка было болѣе необходимо чѣмъ изученіе роднаго языка, и классицизмъ вообще былъ единственнымъ предметомъ, который онъ могъ изучать и для изученія котораго могъ найти достаточно пособій и средствъ. Вслѣдствіе этого классическое воспитаніе было въ то время единственнымъ, неизбѣжнымъ воспитаніемъ; потому что другаго нельзя было и достать. Это было большимъ несчастіемъ для среднихъ вѣковъ; потому что именно вслѣдствіе этого и происходило ихъ безусловное, слѣпое раболѣпство передъ авторитетомъ классической древности. Несчастливыхъ дѣтей того времени отрывали отъ роднаго языка, отъ окружавшей дѣйствительности въ жизни и природѣ, забивали ихъ древнимъ классицизмомъ и механически вбивали въ нихъ классическій духъ.

Впослѣдствіи времени, когда сталъ пробуждаться новый духъ именно вслѣдствіе того, что умы начали освобождаться отъ рабства передъ классицизмомъ и вмѣсто того, чтобы получать знаніе изъ вторыхъ рукъ, черезъ посредство Аристотеля или Плинія, сами стали обращаться непосредственно къ природѣ и собственному опыту,—классическое первоначальное воспитаніе удерживалось по привычкѣ, по рутинѣ, но имѣло однако и свое дѣйствительное значеніе. Новая Европа была въ кровномъ родствѣ съ средневѣковой, насквозь пропитанной классицизмомъ; въ жизни ея сохранилось нѣсколько элементовъ отъ древняго римскаго міра; религіозная жизнь ея по преимуществу облечена была въ формы латыни. Все это дѣлало до нѣкоторой степени

необходимымъ для тогдашняго образованнаго человѣка знакомство съ классицизмомъ и въ особенности съ латынью, отрывки которой встрѣчались ему довольно часто въ наукѣ и жизни. Кроме того классицизма даже нечѣмъ было и замѣнить при первоначальномъ обученіи; потому что только что возродившіяся науки еще находились во младенческомъ, неустановившемся состояніи, не имѣли систематическаго вида, необходимаго при преподаваніи элементарныхъ понятій науки.

Въ новѣйшей Европѣ условія образованія совершенно измѣнились; связь съ классицизмомъ и средними вѣками ослабѣла и даже была прервана; возродившіяся науки достигли зрѣлости и представляли собою матеріалъ, годный для всякаго преподаванія и ученія; новѣйшіе языки вытѣснили латынь, которая появлялась только въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ почтенный остатокъ древности. Но несмотря на все это, классическое первоначальное воспитаніе сохранялось въ прежней силѣ по преданію, по привычкѣ, по рутинѣ; понятіе о воспитаніи до такой степени срослось съ понятіемъ о классицизмѣ, что большинству умовъ трудно или даже невозможно было разорвать ихъ. Въ то время, когда Европа быстро и насильственно разрушала средневѣковыя формы политической, религіозной и общественной жизни, первоначальное воспитаніе ей не двигалось впередъ и стояло на прежнихъ, средневѣковыхъ основахъ. Это происходило оттого, что важность первоначальнаго воспитанія и вообще воспитанія не очевидна, не прямо бросается въ глаза; хорошія и дурныя слѣдствія воспитанія не даютъ чувствовать себя рѣзко и непосредственно, не то что какая нибудь дурная политическая форма, которая непосредственно гнететъ и давитъ cadaго. Когда человѣкъ выступитъ уже въ жизнь и начнетъ дѣйствовать худо или хорошо, то чрезвычайно трудно бываетъ опредѣлить, есть-ли въ этихъ дѣйствіяхъ слѣды и какіе именно эти слѣды его воспитанія.—Кромѣ того правительство и духовенство, особенно католическое, съ умысломъ или безъ умысла, поддерживали классическое воспитаніе; такъ какъ оно по существу своему есть возвращеніе къ старинѣ, преувеличенное возвышеніе прошедшаго на счетъ настоящаго, можетъ скорѣе забивать и съуживать мысль, чѣмъ окрылять и расширять ее.—Такимъ образомъ преобладаніе классическаго образованія въ новѣйшее вре-

мя было анахронизмомъ; но добросовѣстные и недобросовѣстные защитники его старались представить классицизмъ дѣломъ необходимымъ, и то, что было анахронизмомъ, они называли разумной практикой воспитанія. Прежде классическіе языки изучались для извѣстной цѣли, для знакомства съ классицизмомъ и съ общепринятымъ ученымъ языкомъ; теперь эта цѣль устранилась и потому защитники классическаго воспитанія на изученіе классическихъ языковъ стали смотрѣть какъ на послѣднюю цѣль. Изученіе классическихъ языковъ, говорили они, полезно само по себѣ, хотя бы даже оно ни къ чему не вело; потому что изученіе грамматики древнихъ языковъ имѣетъ воспитательное значеніе, развиваетъ способности учащихся; «прекрасное слово Греціи и Рима» образуетъ умъ и развиваетъ вкусъ гораздо лучше, чѣмъ всякій другой предметъ, чѣмъ математика, чѣмъ даже изученіе самой природы. До какихъ крайностей и странностей доходили защитники классицизма,—это хорошо извѣстно и русскимъ читателямъ, напр. по статьѣ академика Наука въ прошлогоднемъ академическомъ календарѣ.

Но какъ ни упорно держался классицизмъ, однако онъ долженъ былъ наконецъ уступить передъ напоромъ естественовѣдѣнія, такъ изумительно быстро развивавшагося въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи; за реальнымъ образованіемъ признаны были права, прежде исключительно принадлежавшія классическому образованію; многіе стали понимать, что изученіе живой природы можетъ гораздо благотворнѣе и живѣе дѣйствовать на развитіе ума, чувства и вкуса въ учащемся, чѣмъ изученіе хоть и прекраснаго, но мертваго слова Греціи и Рима. Но въ Англіи классическое образованіе и до настоящаго времени держится гораздо упорнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ и ея старыя школы не пускаютъ въ свои стѣны новаго духа естественовѣдѣнія.

Англія, при всѣхъ своихъ многочисленныхъ прекрасныхъ качествахъ, есть страна преданія и обычая, питающая особенное благоговѣніе къ наследственности, къ старинѣ, къ тому, что принято и сохраняется издавна; она почти съ одинаковымъ упорствомъ и ревностью хранить какъ хорошее такъ и дурное въ наследствѣ, доставшемся ей отъ предковъ. Англичанинъ скорѣе погибнетъ, чѣмъ позволить отнять у себя хоть частичку тѣхъ правъ и вольностей, которыми пользовались его предки; но онъ

съ такимъ же ожесточеніемъ будетъ противиться всякой попыткѣ поправить несправедливость предковъ и распространить эти права и вольности на тѣхъ, предки которыхъ не пользовались ими. Старое зло должно принять громадные размѣры и сдѣлаться буквально-невыносимымъ, — чтобы англичане согласились бросить его. Да и въ такихъ случаяхъ они охотнѣе молча обходятъ зло на практикѣ, чѣмъ открыто и торжественно признаютъ и уничтожаютъ его. Печать напр. въ Англіи на практикѣ пользуется совершенной свободой, между тѣмъ въ англійскихъ законахъ нѣтъ ни слова объ этой свободѣ. — Изъ уваженія къ старинѣ, къ общепринятымъ положеніямъ и приѣмамъ англичане не высказываютъ того, что они думаютъ, считают неприличнымъ говорить противъ застарѣлыхъ и глубоко-коренящихся предрассудковъ, хотя въ душѣ и понимаютъ ихъ нецѣлостность. На всей жизни англичанъ лежитъ печать этикета; на все есть у нихъ условные общепринятые приемы, нарушать которые они не осмѣливаются. Въ общественныхъ открытыхъ отношеніяхъ англичане дѣйствуютъ какъ дипломаты, придворные или свѣтскіе салонные люди, которые никогда не говорятъ и не дѣйствуютъ открыто, на распахку, но скрываютъ свои настоящіе мысли и чувства, и высказываются такъ, какъ того требуетъ этикетъ и церемоніаль. Въ публичномъ мѣстѣ англичанинъ самого ненавистнаго противника своего величаетъ другомъ; въ печати, приступая къ опроверженію какой-нибудь нецѣлостности, онъ считаетъ долгомъ сказать ей предварительно нѣсколько комплиментовъ, особенно если она принадлежитъ лицу, имѣющему какой-нибудь авторитетъ. Подобное этикетное лицемѣріе англичанъ въ нѣкоторыхъ предметахъ доходитъ до поразительныхъ размѣровъ. Англичане на практикѣ довольно равнодушны къ наследственнымъ титуламъ и достоинствамъ, къ своей «высокой» англійской церкви, къ ея пуританской морали и т. п.; однако на словахъ, особенно въ торжественныхъ и публичныхъ случаяхъ, они прикидываются ревностными почитателями этихъ вещей, суютъ кстади и некстади титулы также часто, какъ часто у насъ употребляется «ваше превосходительство» людьми рабочими и заискивающими, принимаютъ на себя видъ самыхъ набожныхъ даже фанатическихъ англичанъ и пуританъ. Въ Англіи, какъ и вездѣ, есть много независимыхъ свободныхъ

мыслителей по предметамъ политическимъ и религіознымъ; но они высказываютъ свои воззрѣнія неполнѣ, несмѣло и уклончиво и дѣлаютъ при этомъ уступки господствующимъ предразсудкамъ, т. е. держатся приблизительно той же политики, какую принуждены бываютъ соблюдать свободно мыслящіе писатели въ странахъ, не пользующихся свободой мысли и слова. Даже такой относительно смѣлый писатель, какъ Милль, и тотъ соблюдаетъ эту снисходительную и осторожную политику. Онъ только издалека и очень косвенно намекаетъ на вопіющую нечеловѣчность майоратства, на безчеловѣчную несправедливость англійскаго способа землевладѣнія, хотя по всему видно, что эти вещи возмущаютъ его до глубины души; выставя себя кандидатомъ въ парламентъ, онъ увѣрялъ, что несмотря на свой философскій и рационально свободный образъ мыслей онъ остается ревностнымъ и вѣрующимъ англичаниномъ, хотя это было несомнѣнно справедливо, хотя до этого не было никакого дѣла большинству его избирателей, гораздо сильнѣе интересовавшихся мірскими насущными дѣлами, тѣмъ англианизмомъ; но подобное заявленіе требовалось этикетомъ и внѣшней церемоніальной обстановкой. Даже Бокль выражается иногда такимъ образомъ, что его слова напоминаютъ нѣкоторымъ изъ русскихъ проицательныхъ критиковъ «семинарскія записки», хотя въ сущности между Боклемъ и семинарскими записками такое же сходство, какъ между свѣтомъ и тьмою, между небомъ и землею. Спенсеръ довольно сильно указываетъ на нѣкоторыя несообразности въ англійской конституціи; но въ дѣлахъ и столкновеніяхъ между высшими и низшими классами онъ считаетъ нужнымъ становиться на сторону первыхъ, совѣтуетъ имъ употреблять всѣ мѣры для сохраненія преимущественнаго и преобладающаго положенія, потому что иначе низшіе классы могутъ зазнаться и стать опасными для высшихъ.—Эта осторожность или, если хотите, робость объясняется церемоніальностью или этикетностью англичанъ; свободный писатель не говоритъ смѣло и рѣзко изъ опасенія показаться чудакомъ, изъ нежеланія шокировать издавна укоренившееся хоть и не рациональное чувство приличія и нарушить то, что англичанамъ кажется степенью важности и солидною благопристойностью. Читатели, даже согласные со свободными мыслями писателя, недо-

вольны были бы прямымъ и безопаснымъ выраженіемъ ихъ; потому что оно выходитъ изъ общепринятаго, господствующаго, хоть и натянутаго тона. Въ нѣкоторыхъ вещахъ англичане дѣйствуютъ подобно супругамъ, глубоко ненавидящимъ и презирающимъ другъ друга и въ сущности живущимъ въ полномъ разводѣ, однако изъ приличія, изъ опасенія компрометироваться и шокировать свой свѣтскій кругъ, живущихъ наружно вмѣстѣ и даже разыгрывающихъ при публикѣ комедіи супружеской нѣжности.—Эту особенность англичанъ постоянно нужно имѣть въ виду при чтеніи каждой англійской книги для объясненія тѣхъ диссонансовъ съ общимъ тономъ и направленіемъ писателя, которые можно встрѣтить почти въ каждомъ англійскомъ сочиненіи. Ее должны вспомнить и читатели настоящей книги при чтеніи въ ней тѣхъ мѣстъ и выходовъ, которые покажутся имъ странными и неумѣстными среди чисто научныхъ и рациональныхъ соображеній. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти выходы искренни и сдѣланы по убѣжденію; въ другихъ же они несомнѣнно составляютъ дань этикету, церемоніалу, общепринятымъ воззрѣніямъ и предрасудкамъ.

Такимъ образомъ если Англія, по этикету любящая старину и рутину, возстаетъ наконецъ противъ какого-нибудь стариннаго и рутиннаго зла, то это значитъ, что это зло дошло уже до невозможныхъ и невыносимыхъ размѣровъ, что анахронизмъ его сталъ вопіющимъ, что противъ него заговорили уже камни. И если значитъ въ Англіи раздаются смѣлые и авторитетные голоса противъ преобладанія классическаго воспитанія, заявляются энергическія требованія въ пользу реального воспитанія и безопасно порицается рутина классицизма, то это составляетъ смертный приговоръ классицизму; эти требованія и порицанія показываютъ, что для классицизма уже настала смертная часъ, что онъ преслѣдуется въ своемъ собственномъ отечествѣ, что его собираются искоренять тамъ, гдѣ онъ пустилъ самые глубокіе корни и гдѣ господство его было до послѣдняго времени безгранично. — Предлагаемая книга есть такой коллективный протестъ противъ преобладанія въ воспитаніи классицизма; въ ней собрано все, что сказано лучшаго въ англійской литературѣ противъ классицизма или въ пользу реального воспитанія и сказано людьми болѣе или менѣе авторитетными; это большой

печатный митингъ противъ классицизма и въ пользу естественныхъ наукъ; торжественное заявленіе людьми компетентными того, что естественныя науки имѣютъ такое же воспитательное значеніе, какое обыкновенно приписывается только классическимъ языкамъ, ихъ литературѣ и математикѣ. Для англійской публики этотъ Сборникъ имѣетъ особенную важность по особенный авторитетъ вслѣдствіе того, что на немъ лежитъ печать нѣкоторой официальности. Значительную часть Сборника составляютъ лекціи, читанныя въ Королевскомъ Великобританскомъ Институтѣ извѣстными англійскими естествоиспытателями по приглашенію Института и на темы, заданныя самимъ же Институтомъ. Этими темами и было воспитательное значеніе естественныхъ наукъ. Кроме того здѣсь есть извлеченія изъ отчетовъ комиссій, назначавшихся официальнымъ образомъ для разсмотрѣнія вопросовъ о воспитаніи и показанія разныхъ свидѣтелей и свидущихъ людей о томъ же предметѣ. Изъ этого матеріала въ Сборникъ внесено, согласно его цѣли, только то, что говоритъ противъ классицизма и въ пользу естествознанія. Въ статьяхъ Сборника дается естественнымъ наукамъ широкое и важное значеніе; требуется, чтобы онѣ входили въ составъ самаго элементарнаго первоначальнаго обученія, каково бы ни было будущее предназначеніе обучающихся, т. е. пойдутъ ли они дальше по дорогѣ ученія, или остановятся на концѣ первоначальнаго обученія.

Такимъ образомъ статьи и отрывки настоящаго Сборника защищаютъ хорошее и разумное дѣло; но, нужно признаться, къ величайшему сожалѣнію, что не всѣ они защищаютъ это дѣло удовлетворительно и такъ, какъ бы слѣдовало и какъ бы желалось приверженцамъ реального воспитанія. Нѣкоторыя статьи этого Сборника превосходны, наглядно и убѣдительно представляютъ глубокую важность естествовѣдѣнія, которое главнымъ образомъ сообщаетъ новому времени его индивидуальный характеръ, такъ блистательно отличающій его отъ предшествующихъ вѣковъ, и совершенную пригодность его для образовательныхъ цѣлей и неизбежную необходимость введенія его въ курсъ первоначальнаго образованія. За то въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ естествовѣдѣніе защищается вяло, слабо, съ нераціональной точки зрѣнія и ему приписывается раз-